

Несмотря на то, что моё горе как-то разъединило нас со Светой и отошли мы друг от друга, а у неё, наоборот, была семейная радость, что (наконец-то) признали и оценили поэта, — всё-таки изредка мы бывали вместе... там, на кладбище. И впервые увидели, как повалил (буквально — повалил) народ к могиле забытого поэта. Мы слышали, как читали у его портрета стихи его, видели, как охапками приносили цветы, как говорились пламенные речи, даже и такие «крамольные» (для того времени): «Нас никто не заставит забыть рязанского поэта!»

В те же годы (дату не вспомню) произошла неожиданная встреча в подъезде Есениных.

Мы со Светланой бежали вверх по лестнице и чуть не столкнулись с мужчиной, сидящим на ступеньках между первым и вторым этажами. Сидел он, обхватив голову руками... Светка произнесла: «Опять пришёл?» — и мимо него наверх... я — за ней... «Это кто?» — «Да... самозванец!» Пробежали дальше. Расспрашивать её не стала. Подумала: потом объяснит, что значит «самозванец».

На обратном пути снова увидели его, сидящего в той же позе... Мне он показался старым. Но одет был чисто, при галстукке. Плечи его вздрагивали. Мне стало жалко его. А он, не стесняясь, всхлипывал. Я нагнулась... А Светка, почувствовав, видимо, что я могу о чём-то спросить его или что-то сказать, подхватила меня под руку и быстро вывела из подъезда.

В их семье тогда, наверное, что-то тайное было или загадочное. О чём не положено было мне знать. Интуитивно вопросов я не задавала. Знала, что если спрошу, Света или оборвёт, или сочинит что-то: бывали у неё иногда всякие фантазии...

Только позже, узнав многое о Есенине из печати, догадалась: этот человек мог быть сыном поэта. Но почему родные не захотели или не смогли признать его как родственника? А у Есенина, в которого влюблялись многие женщины, могли быть дети. И, может быть, живут рядышком где-то, а может, за границей — тоже!

Это тогда показался он мне старым. А сейчас, уже с высоты своего возраста, определила бы: было ему двадцать один — двадцать три года, не больше.

Но это было позже... А пока охвачены были все девчонки таким важным для нас событием: наши школы соединились!

Дело в том, что после войны, когда возвратились все из эвакуации, школы в Москве были разделены. И на Хорошёвском шоссе с одной стороны была «школа девочек», где мы со Светкой попали в четвёртый класс, а через дорогу была «школа мальчиков». И вот в 1954 году школы соединились. Восемь лет мы со Светланой учились одни, без мальчиков, — и вдруг такое известие. Как будоражило это наши девичьи умы! Как это — сидеть за партой рядышком с мальчиком?

Да, так было! И нам предстояла другая жизнь, другие правила общения. И это очень волновало всех девчонок!

Но как раз объединение школ развело нас со Светланой... Мы попали в разные классы. И у неё, и у меня появились новые друзья. Мы редко виделись.

А что касается Ваганькова — изменились у нас дни посещений туда. Уже разные были заботы по уходу за могилками.

В 1955 году Татьяна Фёдоровна скончалась. Я об этом узнала случайно, мимоходом, от соседней, — так далеки мы со Светкой стали.

Она не была на похоронах моей бабушки. А я не знала, как скончалась Татьяна Фёдоровна. Узнала только, что схоронили её рядом с сыном.

Незаметно прошли ещё два годика. Мы повзрослели и потеряли друг друга окончательно. Получив аттестат, я сразу же летом оказалась в Красноярском крае. И провожали меня на вокзал другие товарищи и друзья из десятого класса «А». Уехав из Москвы, я о Москве не сучала...

Мать Есенина

Светлана Хворых, 1947 год. В этом возрасте я узнала мать Есенина

Влюбилась в сибирский край. Обрела любовь, семью. Родила двоих сыновей. Привыкла к суровой зиме и жаркому лету. И моим родным городом стал тихий и уютный Железногорск.

А между тем страна, оправившись от войны, продолжала обустраиваться. Восстанавливались разрушения, строились новые дороги. А на

Хорошёвском шоссе началось сооружение нового входа в метрополитен. Узнала я это из писем братика Лёни.

И где бы вы думали началось это сооружение? Конечно же, на месте нашего дворика! Наши пять домов подлежали уничтожению...

Конечно, с «государственной» точки зрения дома эти не представляли никакой ценности. Почему? Во-первых, они были деревянные, хотя позже и отштукатуренные. Но в них не было элементарных современных удобств. Были туалет, умывальник, газовая плита — и всё! Ни ванны, ни горячей воды — этого не было. Разве только в мечтах... Так что Москва от потери этих домов ничего не теряла.

Но мне-то каково? Как так? Я ведь надеялась (хоть и уехала из Москвы), что в любой момент, позволяющий мне уехать из Железногорска, смогу побывать на моей малой родине! И увидеться с теми, с кем росла и разделяла первые сознательные свои шаги! Где сыскать теперь тех своих подружек, с кем играли некогда в лапту, в казаки-разбойники, в капитаны (прослушав по репродуктору передачу «Клуб знаменитых капитанов»)? Я же их всех помню: и Наташу Федотову, и Риту Торчинскую, Нелю Мазуренко, Лилию Виноградову, Свету Лыткину, Калмыковых Серёжу и Аню, и всех мальчишек, и, конечно же, Свету Ильину... Увы! Все разъехались по новым адресам, повыходили замуж, поменяли, видимо, и фамилии. Телефонов сотовых тогда не было, а

компьютеров — тем более! Да! Не стало нашего двора, обнесённого (когда-то) забором.

Не осознанное ранее чувство вдруг забродило во мне...

И удивительно: меня стало тянуть туда, именно когда ничего уже там, кроме пустыря, приготовленного к подземным работам, не осталось. Очень захотелось увидеться со Светкой Ильиной. Увы! Оцениваешь всё, только когда теряешь что-то дорогое...

И потому, наверное, в этот момент пробудилась во мне острая тяга к стихам Есенина. Захотелось узнать то, на что раньше не обращала внимания...

И странно! И удивительно! От моего «неуёмного» этого желания стали попадаться сведения о нём, о Есенине, каких почему-то просто не было... То ли их прятали в библиотеках (до времени). А может быть, по чьему-то указанию были засекречены (в связи с загадочной гибелью его)?

А в 1986 и 1987 годах был какой-то «шквал» находок для меня... Статьи о нём как бы сами шли мне в руки. То в командировке, то у кого-то из друзей в домашней библиотеке, то в санатории, где в первую очередь посещала я «малюсенькие» уголки для читающих. Успевала только заполнять свой блокнот выписками новыми.

Так случилось, что у Николая Асеева и Валентина Катаева, современников поэта, натолкнулась на строки, описывающие встречи с Есениным. И очень, увы, неприятные. Затем прочла повесть Шнейдера (секретаря Айседоры Дункан), повествующего об отношениях её с ним, с Есениным. О её влюблённости в него сразу же, в первые минуты знакомства.

Дошла очередь и до книги Анатолия Мариенгофа, близко, очень близкого друга поэта. Но лучше бы я не читала его книги «Роман без вранья», в которой он так красочно описал пьяные «дебоши» своего друга, что я, во-первых, возненавидела автора, а во-вторых, пропал у меня интерес к Есенину (слава Богу, ненадолго, потому что позже узнала, что завидовал он другу своему). Хотелось бы мне напомнить этому «другу», если б дожил он до наших дней, что друг его (которого он так охаял после смерти) посвящал ему свои стихи не раз и писал:

Среди прославленных и юных

Ты был всех лучше для меня.

А Юрий Прокушев, описывающий жизнь многих поэтов, современников своих, отметил: «К сожалению, проглядели,

у какого чистого человеческого родника они находились... Тогда-то и сочинялись всяческие „легенды“ и „романы без вранья“».

Конечно же, страна со временем узнала, что Есенин пил, гулял, дебоширил и скандалил. То верил в Бога, то отрекался от Него. Но почему из друзей его никто не озадачился тем, что жил он, постоянно скитаясь по квартирам чужим и у подруг, обожавших его; не имея своего угла, стихи записывал иногда на рукаве своём или на салфетках в кабаках?

А Василий Фёдоров отметил, в противовес этим писакам: «Если жил он так, как изображаете вы, то это говорит лишь о том, как ему было невероятно трудно создавать прекрасное!»

Фактически с детства не хватало ему тепла. Пять лет Сергей жил у деда (по матери) Фёдора Андреевича Титова, когда мать ушла на заработки. Да! И в пять лет научился читать. А позже, в семь, уже сочинил:

Будто в жизни мне выпал страданья удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.
Уж и так в жизни много всего я терпел,
Изнывает душа от тоски и от горя.

И это написал семилетний ребёнок! Как мог сочинить такое он в семь лет?

Видать, доставалось ему от дядек его родных, которые учили его быть сильным. Первые детские стихи его были полны отчаянья. Он часто писал об успокоении вечном, о погребении подружек. Ему явно не хватало тепла. И он пытался выразить своё настроение, свою печаль и наверняка успокаивался вслед высказанному на бумаге... В то же время он оставался простым сельским мальчиком. Играл на тальянке, пел частушки. Дружил с бабушкой, когда учился в Спас-Клепиковской церковно-учительской школе. И пел даже в церкви на клиросе. Кстати, бабушка Иоанн Смирнов первый разглядел в нём талант поэта. После окончания школы, в семнадцать лет, уехал в Москву. Поступил на работу в типографию Сытина. Посещал Суриковский литературно-музыкальный кружок.

Но его тянуло к настоящим поэтам. Он мечтал увидеть А. Блока. И... отправился в Петербург. Не имея пристанища, скитался по друзьям, продолжал много писать. А вот матери посвятил стихи много позже. (Она в то время воспитывала не его, Серёжу, а сестёр его, Александру и Екатерину.)

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Возвратиться в низенький наш дом.

Но ещё горестнее было мне встретить в одном из сборников стихи, написанные им за три месяца до смерти:

Вот я опять за родительском ужином,
Снова я вижу старушку мою.

<...>

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись...

<...>

Много я видел, и много я странствовал,
Много любил я и много страдал.
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Поэт Владимир Туркин уже в наше, советское время, описывая любовь Дункан к Сергею Есенину, отметил, что Айседора понимала:

Что с детских лет ему хотелось
Такого именно тепла...

Да, он искал тепла у женщин... но ему хотелось иного тепла. Потому в последний год своей жизни снова обратился к матери:

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

А ведь когда я общалась со Светой, никогда не слышала от бабы Тани никаких высказываний о сыне, только лишь молитвы о нём. Она же знала, что не накладывал он на себя руки. Потому и отпевали его «тайно» три раза.

Я продолжала собирать по крупицам повествования о Есенине. Сравнивала их (порой совершенно противоречивые), ставила сама себе вопросы. И, конечно, держалась в памяти та встреча (в детстве) в подъезде у Есениных. Хотелось найти ещё какие-то подтверждения, что у Сергея есть, вероятно, сын... и не один...

И наконец-то! Кажется, в «Литературной газете» обнаружила несколько маленьких снимков детишек (его детишек!) вместе с молодыми мамочками. Конечно, вырезала и оставила (до времени).

Но более всего хотелось узнать о Галине Бениславской, о той, которая не смогла жить без него и застрелилась.

Да, и, конечно, о Райх (4 августа 1917 года в деревне Толстикovo Вологодского уезда они зарегистрировали брак и обвенчались с Сергеем). Вот нахал какой! Ведь у него уже был сын от гражданской жены Анны Изрядновой! С Анной они работали вместе, когда он, уехав из Константиново, поступил в типографию Сытина. Любовь к поэзии сблизила их (но не более). Родился сын. Два имени опубликовали в газете: Юрий и Георгий (видимо, какое-то было дано при крещении в церкви). Позже нашла в печати, что сына её расстреляли в 1937 году по обвинению в покушении на Сталина. Продолжаю складывать и снова находить описания, касающиеся Есенина. В те годы много выписывала газет. Одни пропускала, выбрасывала... Из других вырезала кусочки: Вот снова новость! Сообщение: «Зинаида Райх похоронена рядом с Есениным...» Как так? Я знаю, что рядом Бениславская! А где же Райх? Значит где-то близко. В очередную поездку в Москву ищу, конечно... Нет! Увы, не нахожу. У частых посетителей кладбища узнать тоже не удалось: «Есенин где — знаем! А Райх (какая-то) — нет, не знаем!»

Зато получила информацию. Родила Татьяну (назвала её так в честь матери Есенина). Позже забеременела и ушла к Мейерхольду, режиссёру театра, где она служила (в его театре). Потом родила сына. Назвала Костей. А ушла от Есенина, не выдержав разгульного его нрава. Мейерхольд усыновил обоих детей. Считал их своими, потому что любил её. Хотя знал, что по-прежнему она думает о Есенине. Сергей в полупьяном состоянии кричал: «Всё! Пошли Зинку бить!» Не мог простить он ей, что был у неё он не «первый» мужчина. И всё-таки стремился к ней всю жизнь... Да и она его продолжала любить и сбегала к нему не раз. Мейерхольд знал об этом. А на похоронах кричала: «Сказка моя! Куда же ты уходишь?» И повторяла: «Правду о нём, о Есенине, никто не знает!» Собиралась написать мемуары о нём. Может быть, потому вслед за Мейерхольдом произвели расправу над ней — в 1939 году, в собственной квартире, и даже с такой жестокостью (выкололи глаза)! Политическая система сначала уничтожила режиссёра, сослав его на Север. И где прах его? Неизвестно... Материалы этих двух «дел» до сих пор хранятся под грифом «Секретно». Вот что пока удалось узнать...

Эх, вот бы сейчас со Светланой поговорить! Вот бы повстречаться! Но где её найти? После исчезновения домов наших —

Школа № 148, 8 «Б» класс. Москва, 1953 год

никого не сыскать... Родители мои, дождавшись кооперативной квартиры, уехали на Профсоюзную. Ни брат мой, ни Томка, его жена (кстати, тоже бывшая моя одноклассница), тоже не знали ни о ком из наших общих дворовых товарищей. Связь была потеряна безвозвратно, тем более что жила я далеко от Москвы.

А оттого, что копились невысказанные эмоции, стала я изредка проговариваться кому-то, что знала семью Есениных. «Знала? Как это? Ты что, такая старая, что жила в то время?» От такой «реакции» я замыкалась. Для них мои слова были неправдоподобны... Да, знали, что, как и они, была комсомолкой, жила в Москве. Приехала в край по комсомольской путёвке. И что? При чём здесь Есенин, его родные, мать, если жили они где-то... когда-то... после революции?! Моим ровесницам многое было известно об Отечественной войне, о потерях, о восстановлении городов и сёл... А Есенин? Знать, конечно, знали о знаменитом поэте! И по телевизору смотрели о нём! И кое-что почитывали!.. Но при чём здесь Света Хворых, бывшая Матюгина? Улыбались... И вопросов больше не задавали. А я просто «уходила» куда-то в себя...

Только однажды, когда перечисляли фамилии знаменитостей, похороненных на Ваганьковском (надо отметить, что два кладбища московских были широко известны всей стране — Новодевичье и Ваганьковское), я добавила: «И ещё —

Есенин!» — «Откуда знаешь? Ах да! Ты же москвичка бывшая!» Вот тут я взорвалась: «Да я выросла на Ваганьковском!» — «Ха! Как это выросла?» — рассмеялись собеседницы.

Поняла я: разве могут они, мои одногодки, живя здесь, в Железногорске, представить, что я вправду знала Татьяну Фёдоровну, мать Есенина? В их представлениях это должно было быть где-то в мезозойскую эру.

Но кто-то свыше, наверное, благоволил ко мне... И я снова неожиданно оказалась в Москве.

До сих пор не понимаю значения слова «мистика». Но именно в этот раз случилась встреча необъяснимая. Кто, как, какая сила поспособствовала мне в моём желании узнать всё, что связано с этой семьёй?

Попробую восстановить события. 1986 год. Конец августа (а может, июля). Лето почти на исходе. И вдруг предлагают путёвку в Трускавец, в которой отказывали много раз (очередных много, диагнозы не те). И вдруг сами позвонили, сами предложили. Начальство отпустило. Сразу же поехала!

Прибыла в санаторий... И, представьте, именно в библиотечке знаменитого курорта я такое сыскала! А именно: обнаружила новое есенинское «увлечение», а может быть, и любовь — к Надежде Вольпин. Она родила от него сына. Назвала Александром... И он — представьте! — жив! И живёт в Америке (говорят, диссидент). И ещё нашла... что? А то, что у Зинаиды Райх и Таня, и Костя — живы! Живут и здравствуют где-то у нас в Союзе.

Татьяна, дочка Есенина, якобы занимается сохранением документов отца. Может быть, есть музей. Где он, музей этот, пока не знаю! Но новости эти порадовали.

Отдохнула, подлечилась... возвращаюсь в Москву. В самолёте мысленно наметила план: сразу еду на Ваганьковское к бабушке. Раньше я всегда так делала, попадая проездом в столицу. В первую очередь направлялась именно туда потому, что иначе — разные с соседями встречи, посиделки, воспоминания, и уже нет времени посетить этот печальный уголок, где моя бабушка и Есенин (это уже привычная «связка»).

Приземлились! Аэропорт встретил серым и пасмурным небом. Накрапывал дождь. И это после солнечного южного рая! Увы, настрой — никакой!

Погода не сулила оптимизма: холодные осенние капли навевали тоску. Я представила, как эта слякоть выглядит на могилках... Ехать туда было бессмысленно... Повернулась к

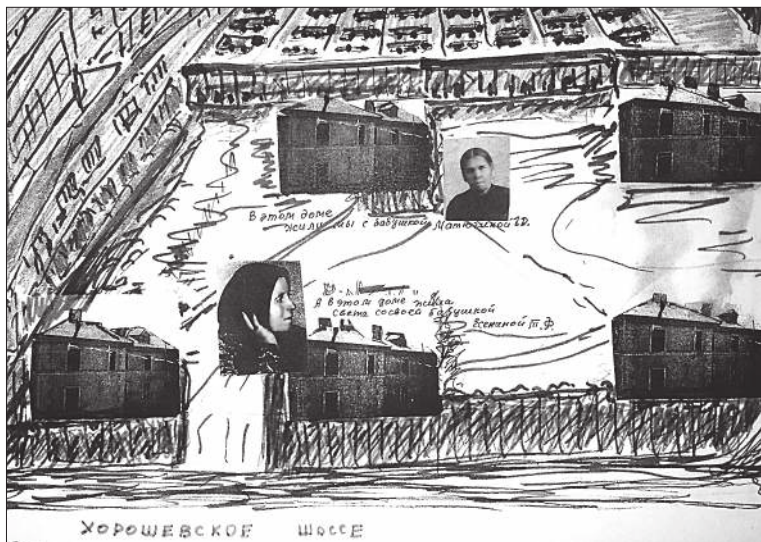
автобусу, направляющемуся в сторону Профсоюзной. Что же поделаешь... Назавтра, может, туча рассеется, дождь уймётся, и я успею побывать там перед отъездом в Красноярск.

Созвонилась с братом (из автомата, естественно). Пообедали втроём, с матерью. Уговорили меня поспать с дороги. Меня действительно тянуло вздремнуть, потому что в самолёте я спать не умела. Послушно устроилась на диване. Шум капель за окном убаюкивал... Укрылась... Закрыла глаза... Полежала... Настенные часы громко тикали... Повернулась, ещё раз перевернулась... Нет! Не приходил ожидаемый покой... Нарастало ощущение какой-то тревоги непонятной... Она не усыпляла, а, наоборот, будоражила. Может, оттого что не выполнила задуманное? Нет! Уговорила мысленно себя: завтра успею! Ещё полежала... мягкий диван создавал все условия для покоя и отдыха. Снова закрыла глаза... и тут же села! Нет! Нет! Нет! Не может это так продолжаться! Вскочила! «Мама, я еду!» — «Куда?» — «Как куда? На Ваганьковское». — «Нет, ты правда ненормальная! Это надо же! На два дня заехала... и ей кладбище дорожке родного дома! Да ещё в такую слякоть!» С таким «напутствием» я отправилась через подземный переход к станции метро. Затем автобусом прибыла к месту, которое так притягивало меня. Вошла в ворота кладбища...

Дождя (удивительно) как не бывало. Земля почти просохла. А перед церковью (ничего себе!) вся площадь полна народу — людей было столько, что я еле протолкалась к цветочному киоску... Успела заметить, что образовалось два людских потока: значит, хоронят не одного, а двоих усопших. Одна группа направлялась в сторону аллеи Высоцкого Владимира, а вторая сгруппировалась правее, ближе к аллее Есенина (столбики с известными фамилиями их тогда были уже установлены). Я пробиралась ко второй, где было ближе к бабушке моей... И вдруг увидела Иосифа Кобзона... Остолбенела! Не приходилось мне видеть наших кумиров «живьём». Он раздавал какие-то команды, шагая вдоль людской колонны. Кого-то успокаивал, кого-то обнимал... Остановилась я, конечно, и тут же узнала Леонтьеву Валентину, ту, что вела программу «Ищу человека». Чьи-то голоса произнесли рядом: «Юрий, Юрий». — «Кого хоронят?» — «Ну, певца... того, что пел про Гагарина, помнишь? „Он сказал — поехали!“» Переговаривались две девчоночки... «Неужели Гуляев? — подумала я. — А ведь только на днях в Трускавце смотрела передачу с концертом его... старая запись, что ли?» Всё это промелькнуло мгновенно в голове... и тут же:

«Эх, успеть бы к бабуле, пока дождь снова не начался...» — и поспешила обратиться ближе ко второй процессии.

В это время произошло какое-то движение впереди. Издали было видно: сняли крышку гроба, стоящего на низком катафалке. Провожающие потеснились ближе. Шелест шепотков, возгласы переговаривающихся рядом со мной. Пыталась прислушаться (хотя уже второпях). «Надо же! Так неожиданно,— сказал кто-то.— Такой талантливый журналист был! Константин!» Пробираюсь дальше... Чувствую, теряю время. А процессия стала резко поворачивать прямо в аллею Есенина. Моментаально забыла я, что спешу... И словно прилипла к этой второй группе. Как я могла пройти мимо? Да меня какая-то сила пригвоздила к этой толпе. Тут уж я, конечно, расспросила, кого хоронят всё-таки: «Кто этот Константин?» — «Как кто? Сын Есенина!» — «Ах! Ох!» — вообразите моё ошалелое состояние! Бог мой! Ведь только совсем недавно в Трускавце вычитала, что дети Райх живы, а сын работает где-то в Союзе! Только не знала, какую фамилию носил он, став взрослым, Есенина или Мейерхольда. Кто же сподобил меня явиться сюда в этот дождь и слякоть? Вот почему не было мне покоя! Неужели душа моей бабушки сотворила это чудо, что я загодя, из

Хорошёвское шоссе

Железногорска, получила призыв явиться сюда, а сибирские боги поспособствовали всё исполнить? А может быть, просто в назидание кому-то, тем, кто в мистику не верит? Выходит, в моей судьбе всё это совершается совсем не случайно, потому что дальнейшее подтверждает сие; я расскажу о том позже. А пока продолжаю: я была в тот миг на этой площади в какой-то эйфории... И всё же, как говорят в народе, успела очухаться. Другие эмоции возобладали мной — явилось бурное ликование! Так, значит, я увижу здесь и сейчас в этой толпе Светку? Светлану Ильину? И всех её родных?.. Чуть-чуть опомнилась, ибо проявление в этом месте радости совсем неуместно! Заставила себя успокоиться... и тут же пошла по рядам, перебирая взглядом лица в толпе. То шла вперёд, то возвращалась и снова пристально вглядывалась в идущих. Но как могла узнать я в этой группе тех, с кем не виделась тридцать с лишним лет?! Я помнила их молодыми... Шли медленно. Догадывалась, что идём к Есенину, к его могиле. Дорожка эта была знакома до мелочей. Значит, рядом с отцом (мыслила я) нашли ещё одно место — для сына. Примкнула с краю к идущим... Кто-то оттеснил меня в сторону, я отступила... Но меня потянули за руку. Оглянулась: кто? Не знаю!.. И вдруг: «Ой, Татьяна!» Да! Это была она! Сводная сестра Светы. Удивительно — она меня узнала... мы обнялись... «Какими судьбами? Ты, говорят, живёшь в Красноярске?» — «Да! И завтра возвращаюсь туда... А где Света?» — «Светы — нет... вчера повезла сына лечить солнышком в Трускавец». — «Как в Трускавец? А я оттуда только что... Надо же, такое совпадение! Неужели в аэропорту мы прошли мимо, не узнав друг друга?»

Какое же провидение отказало мне в этой встрече? Всё это пролетело мгновенно в мозгу. «А мама ваша, тётя Шура, здесь?» — «Нет, Света, её с нами уже давно нет... Похоронили... Покажу её могилу, будем мимо идти». Выходит, кроме Тани, никого из знакомых мне здесь нет. Присутствуют только коллеги Константина. Моего энтузиазма поубавилось... Пока шли, Татьяна рассказала, что Света вышла замуж. Носит фамилию Митрофанова. Сына воспитывает одна, он болен. Света как мама очень заботливая. Вспомнили и Татьяну Фёдоровну. То, что её схоронили рядом с сыном, я знала. Но подробности похорон прочла в газете, причём в Железногорске. Но то, что было напечатано, настолько было неправдоподобным, что я вырезку оставила себе... В надежде найти опровержение. И только сейчас Таня подтвердила, что так и было.

При захоронении матери Сергея гроба Есенина не обнаружили... Напечатали это лишь потому, что начались частичные

рассекречивания уголовных дел. Ну чем помешал поэт органам ОГПУ? Мы не знаем! Вот так, бесеждая, мы с Таней обменялись новостями. Продиктовала она адрес Светы уже на фамилию Митрофанова. Появилась надежда хоть через почту восстановить былые связи.

Между тем движение замедлилось... Подошли к могиле Сергея Есенина. Мы пробрались ближе к ней. Кто-то из коллег Константина громко произнёс: «Ну вот, Костя! Встретились вы с отцом! Простите друг друга! Простите и нас!» Звук сдержанных рыданий прошёл по рядам. Плакали сослуживцы, женщины, знающие историю этой семьи. И то, как отец отреагировал на появление сына... Будучи в разводе уже, увидев его в первый раз, произнёс: «Фу! Чёрный! Есенины чёрные не бывают». Так описал эту сцену Мариенгоф. Затем рядом и на могилу Галины положили цветы. Бениславская, конечно, знала о рождении сына Есенина. После этого катафалк двинулся дальше. Крышку не закрывали. Стали разворачиваться вправо... Таня прошептала: «Идём к матери... к Зинаиде Райх...» У меня даже дыхание перехватило... Неужели наконец-то узнаю место её, какое искала много раз и не могла найти... могилу той женщины, которую и любил, и обижал всю жизнь Сергей? А в конце жизни писал: «Любимая! Меня вы не любили... — заканчивая словами: — Вас помнящий всегда знакомый ваш Сергей Есенин».

Обогнули участок, свернули вправо... Снова остановились... Тот же голос, что у могилы Есенина, произнёс: «Принимай, мамочка, сыночка своего». Дальше что-то ещё говорил (точно воспроизвести не могу). Несколько человек тоже высказали свою версию, рассказывая о трагической смерти Райх. Никто не знал, кто и почему так зверски расправился с ней. До сих пор виновники не известны. Всё засекречено... А я уже хотела распрощаться с Таней и убежать к бабе своей. Но тут «ведущий», обернувшись на соседнее захоронение, сообщил всем, что здесь рядом находится «условная» могила Мейерхольда. Поведал всем, кто этого не знал.

Татьяна тихонько объяснила мне, что несколько лет назад «создали» рядом с женой символическую могилу мужа Райх. Где и как его уничтожили в двадцатые годы, найти не удалось. Да и его и не искали. На «дело» его был наложен гриф «Секретно».

Уже вечерело... дальше я не могла задерживаться. И при захоронении Константина Есенина не присутствовала. Распрощавшись с Таней, поспешила к бабушке. Таня всё же успела показать

мне могилу Александры Есениной (тёти Шуры, как в детстве я её называла). Находилась она рядом почти, через тропинку.

Прибежала к бабе своей Глафире, рассказала ей (мысленно, наверное) всё, что накопилось за этот странный пасмурный день. Благодарила её (до сих пор верю, что это её душа подействовала моему появлению здесь, в этот самый нужный момент): она одна, наверное, знала, как это было мне важно.

Что же всё-таки это было? Мистика? Провидение? Интуиция? Предчувствие? Чем объяснить это чудо, что, живя вдали от Москвы, столько событий меня не обошло? Как хотелось высказать всё, поделиться своими мыслями. Как не хватало мне в тот момент Светки!

Утром я уехала. По приезде написала письмо Митрофановой (да, уже не Ильиной). Много дней ждала ответа... Но так и не дождалась. То ли не получила она письма моего, то ли не захотела ответить. Может быть, проблемы с сыном? А может, не могла откровенничать? Не знаю! Что ж! Значит, так было predetermined судьбой, чтоб переписка наша не состоялась...

На этом можно было бы закончить воспоминания детства, связанные с тем двориком, которого уже нет, и с тем, что ушло безвозвратно.

Однако судьба ещё раз качнула меня в сторону рязанского поэта. И случилось это ровно через год после того, как присутствовала при прощании с Константином, сыном Есенина. Только уже не летом, а ранней весной — в марте.

Снова судьба подарила «подарок» мне поездкой в Москву. Но оказалось, в этот раз «подарок» сей обернулся для меня слезами и горем. И касалось это уже не Есенина, а моего отца.

Окончание следует